

УДК 327

БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЙ КОНФЛИКТ: КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ

К.М. Труевцев

Институт востоковедения Российской академии наук, г. Москва, 107031, Россия

Аннотация

В статье исследуются существенные аспекты, в том числе структура, ход, промежуточные итоги, современного ближневосточного конфликта, имеющего эпицентр в Сирии, а помимо этого, непосредственно затрагивающего территории Ирака и Йемена, частично Турции и Саудовской Аравии. Особый акцент делается на его конфессиональной составляющей. Отмечается, что ряд аналитиков и государственных деятелей на Ближнем Востоке и за его пределами рассматривают её в качестве едва ли не главного компонента конфликта, который характеризуется ими как фронтальное противостояние между суннитами и шиитами, проецируемое и на межгосударственные отношения, и на региональный политический ландшафт в целом. Автор показывает, что такой подход сужает реальные рамки конфликта, являющегося гораздо более сложным и многокомпонентным. Межконфессиональный фактор оказался на первом плане из-за действий экстремистских, террористических организаций, прежде всего таких, как «Джабхат ан-Нусра» и «Исламское государство Ирака и Леванта», причём в результате пострадала именно та конфессиональная группа, от лица которой боевики якобы выступали – сунниты Сирии и Ирака. Делается вывод о том, что даже в случае победы над упомянутыми террористическими образованиями опасность дальнейшего разрастания конфликта сохраняется, если он примет характер конфронтации между ведущими региональными державами – Ираном и Саудовской Аравией.

Ключевые слова: региональный конфликт, Сирия, Ирак, Саудовская Аравия, Турция, Йемен, ИГИЛ, «Джабхат ан-Нусра»

Сегодня, когда борьба против террористов на территории Сирии и Ирака уже привела к ликвидации крупнейшей из созданных ими политической структуры – ИГИЛ¹, представлявшей собой квазигосударство в форме халифата, всё больше людей задумываются над тем, что будет после окончательной победы над терроризмом в этих двух странах. Совершенно очевидно, останутся глубокие проблемы, которые предстоит решать. Для того чтобы понять их существо, необходимо вернуться к анализу внутреннего противостояния, в которое погружена Сирия в течение более семи лет.

¹ Аббревиатура ИГИЛ, возникшая в 2013 г. и расшифровывающаяся как «Исламское государство Ирака и Леванта», была изменена затем на «Исламское государство» с претензией на перспективу господства во всём исламском мире. Организация признана террористической и запрещена во многих странах, в том числе РФ. Окончательный разгром государственных структур ИГИЛ в Сирии и Ираке в целом завершён к концу 2017 г., однако разрозненные банды этой группировки продолжают действовать на территории обеих стран.

Напомним: нынешний ближневосточный конфликт стал прямым наследием «арабской весны» хотя бы в том смысле, что он продолжил одну из линий событий, произошедших в её ходе. Развернувшись почти повсеместно в арабском мире, данное протестное движение, направленное на свержение полностью исчерпавших себя (по крайней мере, как это представлялось восставшим) авторитарных квазизападных режимов, имевших истоки в атакторковской модели, а затем воплотившихся в различных вариантах арабского национализма, практически с самого начала впитало в себя в том числе мотивы политического ислама. Причём эти мотивы, прежде не обязательно доминирующие, со временем стали преобладать почти во всех странах, охваченных протестами.

Поскольку «арабская весна» происходила в основном в государствах с превалированием суннитского населения, на лидирующее положение в политической сфере стали претендовать движения, радикально интерпретирующие суннитский ислам: «Братья-мусульмане», связанные с «Аль-Каидой» неоваххабиты, такфиристы (идеология последних получила, в частности, концентрированное воплощение в деятельности ИГ).

Эпицентром ближневосточного конфликта стала Сирийская Арабская Республика (далее – САР). Будучи многоконфессиональным государством, в случае радикализации представителей суннитского большинства она становилась обреченной на межконфессиональное (и, как оказалось впоследствии, этноконфессиональное) противостояние. Это произошло, как только радикальная оппозиция стала выдвигать лозунг свержения власти правящего алавитского меньшинства и перехода к суннитскому большинству.

При этом следует отметить, что изначально исламистское движение в Сирии практически целиком базировалось на идеологии организации «Братья-мусульмане». Её подразделения имели наибольшее распространение в Хаме, Хомсе и ряде малых городов страны, в незначительной степени они были представлены в поликонфессиональных и сильно секуляризированных Дамаске и Алеппо, почти отсутствовали в преимущественно алавитских провинциях побережья и на населённых курдами территориях северного приграничья с Турцией.

После жестокого подавления Хафезом Асадом мятежа «Братьев-мусульман» в Хаме в 1982 г. долгое время казалось, что исламистскому движению в Сирии не суждено возродиться. Однако уже на рубеже миллениума оно стало вновь набирать силу. Причём, когда в 2003 г. власть Саддама Хусейна в Ираке была свергнута, сирийское руководство, так же как и власти ряда других арабских стран, если не стимулировало, то, во всяком случае, не препятствовало оттоку исламистов со своей территории через иракскую границу, полагая, что их уход будет способствовать уменьшению угрозы терроризма внутри САР. Но часть боевиков возвращалась, в связи с чем в Сирии, наряду с организациями «Братьев-мусульман», создавались ячейки «Аль-Каиды».

Процесс радикализации опирающихся на суннитов политических движений набирал силу², и в 2012 г. доминирующее положение стала занимать выросшая из сирийской «Аль-Каиды» организация «Джабхат ан-Нусра ли-ахль

² Более подробно этот процесс рассматривается нами, в частности, в статье «“Арабская весна” и дезинтеграция ближневосточных государств» [1].

аш-Шам» («Фронт поддержки населения Леванта»). Как видно уже из названия, она претендовала на роль объединителя всей исторической Сирии (Леванта), включающей в себя, помимо собственно сирийской территории, земли Ливана, Иордании и Палестины.

Начиная с 2013–2014 гг. доминирование во многих провинциях Сирии перешло к вторгшейся с Ирака террористической организации ИГИЛ, сформированной из отрядов иракского филиала «Аль-Каиды» и партизанских соединений иракских баасистов, ряды которых пополнили амнистированные или освобождённые из заключения высшие офицеры армии и республиканской гвардии казнённого Саддама Хусейна. Объявив себя уже просто «Исламским государством» и овладев к середине 2015 г. обширными территориями Ирака и Сирии, эта организация провозгласила на захваченных землях халифат, а своего номинального лидера, проповедника Абу Омара аль-Багдади – халифом. Встав на позиции крайнего такфиризма, группировка установила режим жесточайшего террора, направленного уже не только против иноверцев, но и против мусульман-суннитов, недостаточно или не по предписанию соблюдающих обряды или установленные ИГ нормы поведения.

Действия исламистов повлияли на изменение отношения значительной части арабо-суннитского населения Сирии к оппозиции. Дело в том, что зверства террористов коснулись многих суннитов – тех, кто пытался спрятать или защитить представителей иных конфессий, кто просто проявлял веротерпимость или был заподозрен в ней, а также всех несогласных с крайней, экстремистской интерпретацией ислама, которую исповедуют боевики. Более того, жертвами террористических актов становились люди независимо от их конфессиональной принадлежности. Всё это оттолкнуло от боевиков прежде всего жителей двух крупнейших городов – Дамаска и Алеппо – и их пригородов, характеризующихся обстановкой веротерпимости и относительной толерантности; там стал ощущаться всё больший дискомфорт от прифронтового положения с его лишениями и постоянной угрозой для жизни. Негативное отношение к исламистам наблюдается и в прибрежной зоне, где сконцентрировано смешанное в конфессиональном плане население при существенной доле представителей алавизма и христианства. То же относится к северо-западным и северным территориям, населённым курдами, а также к пограничному с Ливаном юго-западу, где традиционная торговля с соседней страной оказалась серьёзно подорванной. Даже в центральной зоне, в которой города Хомс и Хама являлись опорой радикальной исламской оппозиции, энтузиазм в отношении военизированных группировок существенно снизился.

Данный факт связан не только с неприятием жителями характера действий боевиков, но и с тем, что по мере разворачивания конфликта всё большую роль в нём стали играть иностранные наёмники. По данным ряда источников, их количество в 2013 г. достигло десятой части всех боевиков оппозиции³. Причём если в отрядах, относимых к умеренной оппозиции (например, в Свободной сирийской армии), преобладали сирийские граждане, то такие экстремистские

³ Так, по информации, приводимой ФСБ РФ в 2013 г. со ссылкой на зарубежные источники, количество иностранных наёмников в рядах вооружённой оппозиции составляло в этот период от 6 до 18 тыс. чел. (ИНС).

группировки, как «Джабхат ан-Нусра» и ИГ, состояли из значительного числа иностранцев. Последние характеризуются наибольшими зверствами по отношению к мирному сирийскому населению и наибольшей неразборчивостью не только в выборе средств, но и самих мишеней.

Во многом именно действия исламистских боевиков, а не неприятие режима стали главной причиной эмиграции огромного числа людей с территории САР. По данным ООН на 2015 г., Сирию покинули не менее 6.3 млн чел., из них в Турцию переселились 2.9 млн, Ливан – 1 млн, Иорданию – 660 тыс. (Б).

Следует обратить внимание на этноконфессиональный состав эмигрантов. Алавитов среди них практически нет, количество сирийских курдов минимальное, а сирийские христиане, по данным, озвученным российскими представителями в ООН, составляют до 1 млн чел. (из 2 млн проживающих в САР до конфликта) (см., например, ГХМ)⁴. Наиболее пострадавшими оказались арабы-сунниты: около (а скорее всего, более) половины их представителей покинули территорию страны. В результате они потеряли статус абсолютно доминирующей этноконфессиональной группы в Сирии, сохранив за собой лишь очень небольшой перевес по сравнению с алавитами и курдами и значительно уступив суммарному представительству других групп. Таким образом, лозунг «власть суннитскому большинству» в результате радикализации конфликта оказался ловушкой для арабо-суннитского населения, половина которого ощутила себя в положении изгоев.

Одновременно начались процессы регионализации и интернационализации сирийского конфликта, выражением которых стали:

- а) приток новобранцев из числа радикальных суннитов региона и всего мира;
- б) вмешательство в конфликт суннитских региональных держав, прежде всего Турции, Саудовской Аравии и Катара, поддерживающих оппозицию;
- в) вмешательство в конфликт глобальных игроков – руководимой США коалиции, объявившей борьбу с терроризмом, но при этом выступающей также на стороне оппозиции, в результате чего значительная часть направляемых ей вооружений стала попадать в руки радикальных исламистских группировок.

Ответом стало участие на стороне сирийского режима присутствующих в регионе шиитских сил Ливана (речь идёт об организации «Хизбалла») и Ирана.

Начиная с 2013–2014 гг. конфликт приобретает всё более углубленный региональный характер. Создание ИГИЛ уничтожило государственные границы между Ираком и Сирией, втянув в общее, в том числе межконфессиональное, противостояние обе страны и расширив географические рамки конфликта. Неудивительно, что на стороне сирийского режима стали воевать отряды шиитской милиции Ирака «Аль-Хашд аш-Шааби» и даже шииты из Афганистана и Пакистана.

Со второй половины 2015 г. непосредственное участие в конфликте на стороне сирийского режима приняла Россия, что повлекло за собой существенный перелом. Стратегические результаты стали особенно ощутимыми на исходе 2016 и в начале 2017 гг., когда победа в Алеппо, повторное взятие Пальмиры,

⁴ По моему мнению, данные по численности сирийских христиан-эмигрантов несколько преувеличены, поскольку единственный канал их эмиграции – Ливан, а там предельное общее количество беженцев – 1 млн, из которых не менее половины составляют христиане.

наряду с успехами Сирийской арабской армии и её союзников в ряде других частей страны, показали, что часы «Исламского государства» и «Джабхат ан-Нусры», по сути дела, сочтены. К концу 2017 г. основные структуры ИГ в провинциях Ракка и Дейр эз-Зор были окончательно разгромлены, но остались террористические анклавы в пригородах Дамаска, на юго-западе Сирии, в пограничье провинций Хама и Хомс, а также в провинции Идлиб с рядом прилегающих районов соседних провинций.

Говоря об истоках современного ближневосточного конфликта, следует также заметить, что его конфессиональный компонент стал разыгрываться первоначально вовсе не в Сирии, а в Ираке. Причины этого связаны, разумеется, с последствиями правления баасистского режима и, кроме того, с ролью конфессионального (а в более широком плане этноконфессионального) фактора в политическом процессе Ирака после свержения Саддама Хусейна.

В ходе баасистского правления в Ираке и шииты, и курды, составлявшие в совокупности абсолютное большинство населения, подвергались жестокому гнѣту, массовым репрессиям, а любой протест с их стороны безжалостно подавлялся посредством различных методов, включая публичные казни, изощрѣнные пытки и применение химического оружия против целых населѣнных пунктов. Но происходило это не из-за чисто этнической или конфессиональной конфронтации (в партийных, силовых, репрессивных структурах баасистов и даже в рядах высшего политического руководства было достаточно много и шиитов, и курдов, и выходцев из других конфессиональных и этнических групп). Всё дело в том, что парадигма всякого господства “*homo ideologicus*”, будь то советского, баасистского и т. п., подразумевает зачистку политического поля от людей, не вписывающихся в директивно внедряемую идеологию. Курды не вписывались в идеологическую конструкцию панарабизма по причине отставания других, неарабских прав, а шииты – по причине утверждения своей религиозной особенности, выходящей за рамки принципа «арабская нация едина, и миссия её священна». Наконец, сунниты, занявшие ещё до баасистов ведущие позиции во власти, оказались для неё просто наиболее удобной группой с точки зрения идейно-политического регулирования, хотя любое инакомыслие среди них каралось не менее жестоко (подробнее об этом см. [2]).

В то же время насилие и репрессии в отношении шиитов и курдов воспринимались ими как конфессиональный и национальный гнѣт, поэтому после свержения режима Саддама Хусейна направленность их действий неизбежно приобрела этноконфессиональный характер. Названный фактор, кажется, в какой-то мере был учтѣн в тексте иракской конституции, подготовленной, по свидетельству М.А. Сапроновой, в основном американскими конституционалистами [3] и переданной иракцам американским послом Полом Бренаном. В документе, в частности, предусматривалось квотирование представительства в парламенте основных этноконфессиональных групп (шиитов, суннитов, курдов) и разделение важнейших государственных постов (президента, премьер-министра и председателя парламента) между их представителями.

Однако этноконфессиональный баланс во власти существенно изменялся, а результаты парламентских выборов 2005 г. привели к доминированию в парламенте шиитов как наиболее многочисленной группы, в то время как сунниты

оказались в высшем законодательном органе лишь на третьем месте, уступив также курдам (ШПВИ) (см. также [4]). Доминирование шиитов в парламенте предопределило тот факт, что правительство страны на протяжении всех лет существования нынешнего режима формируется исключительно представителями шиитского большинства. Сунниты же впервые в современном иракском государстве ощутили на себе всю тяжесть пребывания в положении реально ограниченного в своих политических возможностях меньшинства.

Нельзя не напомнить о том, что политический процесс в Ираке постсаддамовского периода происходил (и продолжает происходить до сих пор) в условиях американской оккупации. При этом ещё в мае 2003 г., в самом начале оккупации Ирака временной администрацией, которую в тот период возглавлял Пол Бремер, был принят закон о дебаасизации, подготовленный, по словам Г.И. Мирского, в недрах Пентагона [5] и фактически скалькированный с законодательства о денафикации Германии после Второй мировой войны. Результатом этого закона, одобренного не только шиитско-курдским большинством, но и другими структурами бывшей оппозиции баасистскому режиму, стала почти тотальная чистка административно-управленческого аппарата и силовых структур от бывших членов партии «Баас» (подробнее об этом см. [2, с. 121]).

Если большинство курдского и шиитского населения все эти меры поддерживало, то многие сунниты относились к ним иначе. Часть из них реагировала решением об эмиграции. Между тем набирала силу и другая тенденция. Так, с самого начала оккупации в ряде провинций Ирака, населённых преимущественно суннитами, развернулись действия вооружённых групп, как противостоящих оккупации, так и имеющих ярко выраженную конфессиональную, а точнее, исламистскую направленность. В первую очередь это относится к иракской «Аль-Каиде», которая начала действовать в стране ещё в период правления Саддама Хусейна и была тогда нацелена против этого режима. После его свержения организация сосредоточила свою деятельность на борьбе с оккупацией и одновременно на совершении террористических актов против шиитов и курдов. Ответом на эти действия со стороны курдов и в ещё большей степени шиитов стали этнические чистки суннитов в тех районах, где совершались теракты.

Помимо деятельности исламистов, с первых дней оккупации в основном в местах проживания суннитов стала разворачиваться партизанская борьба баасистских отрядов, которую возглавил ушедший в подполье член политбюро партии «Баас» Иззат Ибрагим ад-Дури. На начальном этапе их действия не носили исламистского характера. Более того, попытавшись координировать свою борьбу с «Аль-Каидой», баасисты вскоре отказались от этого, полагая, что таким образом могут скомпрометировать себя. Однако, по мере того как в начале второго десятилетия нынешнего века из мест заключения стали выходить многие функционеры баасистских силовых и репрессивных органов, они всё более проникались идеей об объединении с исламистами. Именно на основе такого объединения и возникло ИГИЛ.

Деятельность ИГИЛ в Ираке приобрела отчётливую этноконфессиональную направленность, которая проявилась во время захвата террористами в 2014 г. Мосула, где массированным чисткам подвергались и шииты, и курды, и христиане, и езиды. Распространив свои действия на территорию Сирии

и фактически ликвидировав государственную границу между двумя странами, эта группировка превратилась уже в региональную военно-политическую силу, действующую под лозунгами крайне радикального, такфиристского суннизма.

В 2015 г., когда непосредственная опасность ИГИЛ стала угрожать Багдаду, а подготовленная американцами армия Ирака показала свою полную небоеспособность, администрация США, объявившая о планах ухода из Ирака, была вынуждена искать опору в борьбе с террористами среди тех сил, влияния которых и она сама, и её региональные союзники в лице Саудовской Аравии и других государств Персидского залива ранее больше всего опасались. Между тем реально оказать сопротивление ИГИЛ внутри Ирака могли только два вооружённых формирования: курдские пешмерга и отряды шиитского ополчения «Аль-Хашд аш-Шааби». Причём последние были связаны с наиболее радикальными шиитскими группами, которые отличались резкой антиамериканской направленностью, нередко вступали в вооружённую конфронтацию с американскими военными и к тому же, как правило, сотрудничали с Ираном. Но и этого оказалось мало: для отражения угрозы Багдаду потребовалось непосредственное участие частей иранской армии и Корпуса стражей исламской революции. Таким образом, влияние Ирана, планомерно нараставшее в Ираке в течение нескольких лет пребывания у власти шиитских правительств, дополнилось фактором его прямого военного присутствия.

Координация действий между правительствами Ирана, Ирака и Сирии при прямом присутствии как в Сирии, так и в Ираке иранских вооружённых сил, участие последних в военных операциях, проводимых в этих государствах, а также задействование шиитских формирований – от ливанской «Хизбаллы» до афганских и пакистанских шиитов – всё это заставило говорить правящие круги арабских стран Персидского залива о «шиитской оси», простирающейся от Тегерана до Бейрута.

С 2014 г. внутренний конфликт разгорелся в Йемене. В нём, на первый взгляд, тоже доминирует межконфессиональная составляющая в виде противостояния между зейдитами (шиитское течение) и шафиитами (суннитское течение). А вмешательство Саудовской Аравии, выступившей на стороне бежавшего туда президента Абд-Раббу Мансура Хади, а также Ирана, поддержавшего радикальное зейдитское движение хуситов, фактически вписало и Йемен в общую канву регионального конфликта.

Но на самом деле внутреннее противостояние в Йемене носит гораздо более многокомпонентный характер, выходящий за рамки этой упрощённой схемы. Отчасти его можно расценивать как продолжение того процесса, который развернулся в ходе «арабской весны», поскольку противостояние в 2011 г. в Санае и других крупнейших йеменских городах закончилось навязанным извне компромиссом, не решившим ни одной из глубинных проблем, поднятых в ходе массового народного протеста. Фигура Абд-Раббу Мансура Хади, фактически назначенного на президентский пост вместо Али Абдаллы Салеха посредниками из Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива, оказалась крайне нерепрезентативной ни для севера, ни для юга страны и потому совершенно неспособной к решению стоящих перед обществом вопросов.

Ситуация в Йемене нашла разрешение совершенно неожиданным для многих внешних наблюдателей образом. В январе 2015 г. власть в Сане захватила группировка «Ансар Аллах» во главе с Хусейном аль-Хуси. Президент Хади бежал в Аден, но и там он оставался недолго, поскольку движению хуситов, вступившему в союз с войсками бывшего президента Салеха, удалось овладеть в первые месяцы 2015 г. большей частью страны.

Следует отметить, что хуситы начинали свою деятельность как зейдистское движение, выдвигавшее идею возвращения к имамату, и потому расценивались как исламистская группировка шиитского толка. Однако к 2014 г. они практически отказались от исламистских лозунгов, сосредоточившись на социально-экономических требованиях, что и обеспечило им поддержку среди жителей северных провинций страны за исключением Таиза, где наибольшей популярностью пользуется выросшее из йеменских «Братьев-мусульман» объединение «Ислах», придерживающееся ваххабистских идей.

Что касается юга Йемена, где значительная часть населения так и не смирилась с подчинением северу, произошедшим в результате объединения в 1990 г., там до сих пор значительное влияние имеет движение «Аль-Хирак», выступающее за отделение южной части страны и восстановление независимости Южного Йемена.

Как видим, фактически внутреннее противостояние в Йемене не носит межконфессионального характера. Вмешательство в данный конфликт международной коалиции под руководством Саудовской Аравии, начатое в 2015 г. и получившее официальное обоснование необходимостью поддержки законной власти в лице президента Хади, на самом деле было продиктовано опасениями усиления позиций Ирана в этой части Аравийского полуострова. В свою очередь, Иран и его союзники в лице сирийского руководства и ливанской «Хизбаллы» стали оказывать помощь хуситам, включая поставки вооружений.

Вмешательство внешних сил способствовало освобождению вооружёнными силами юга большей части его исторической территории, но отнюдь не привело к сколь-нибудь ощутимым победам над хуситами и находящимися с ними в альянсе формированиями севера. Более того, в результате военные действия переместились частично и на территорию Саудовской Аравии, поскольку хуситы наносят регулярные удары по военным объектам в пограничных саудовских провинциях Джизан, Неджран и Асир, а время от времени совершают там вооружённые набеги (указанные земли йеменцы рассматривают как незаконно аннексированные у них в 30-е годы XX в.). Йеменскую ситуацию, следовательно, можно рассматривать как часть регионального конфликта, но при этом она носит квазиконфессиональный характер.

Таким образом, трактовать ближневосточный конфликт как фронтальное суннито-шиитское противостояние представляется в корне неверным. На самом деле этот конфликт имеет многокомпонентную сущность, что подтверждается следующими обстоятельствами. Во-первых, преследованию и истреблению со стороны радикальных исламистов подверглись не столько алавиты, сколько христиане и представители других малых конфессий, а также собственно сунниты, которых такфиристы упрекали в неверии или в недостаточной религиозности. Во-вторых, действия исламских радикалов направлены

против суннитских режимов, в том числе против Иордании, Саудовской Аравии, Египта и др. Наконец, в третьих, противоборство между Ираном и Саудовской Аравией – полюсами, представляющими соответственно шиитское и суннитское течения, – в действительности не что иное, как конкуренция за региональное влияние, в ходе которой конфессиональных фактор используется обеими державами как наиболее удобный политический инструмент.

Источники

- ИНС – Иностранные наёмники в Сирии // Межрегиональный общественный фонд содействия стратегической безопасности. – 2013. – 29 апр. – URL: <http://www.fssb.su/research/research-reviews/428-inostrannye-naemniki-v-sirii.html>, свободный.
- Б – Беженцы // Организация Объединённых Наций. – URL: <http://www.un.org/ru/sections/issues-depth/refugees/>, свободный.
- ГХМ – Гонения на христиан в мире. Досье // ТАСС: Информационное агентство России. – 2015. – 25 февр. – URL: <http://tass.ru/info/1355736>, свободный.
- ШПВИ – *Макова Е.* Шииты победили на выборах в Ираке // Утро.ру. – 2006. – 20 янв. – URL: <https://utro.ru/articlea/2006/01/20/514574.shtml>, свободный.

Литература

1. *Труевцев К.М.* «Арабская весна» и дезинтеграция ближневосточных государств // Арабский мир в потоке событий и времени: Сб. ст. – М.: Ин-т востоковедения РАН, 2016. – С. 296–314.
2. *Труевцев К.М.* Ирак после диктатуры: девять трудных лет // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабский мир после Арабской весны / Под ред. А.В. Кортаева, Л.М. Исаева, А.Р. Шишкиной. – М.: URSS, 2013. – С. 107–137.
3. *Сапронова М.А.* Конституция Ирака, одобренная на всеобщем референдуме 15 октября 2005 года: структура, основные положения, особенности // Институт Ближнего Востока. – URL: <http://www.iimes.ru/?p=3890>, свободный.
4. *Шелест А.* Долгий путь к новому правительству Ирака // Институт Ближнего Востока. – 2006. – 26 апр. – URL: <http://www.iimes.ru/?p=4514>, свободный.
5. *Мирский Г.И.* Ирак не станет вторым Вьетнамом // Экономические стратегии. – 2008. – № 2. – С. 16–23.

Поступила в редакцию
09.11.17

Труевцев Константин Михайлович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт востоковедения Российской академии наук
ул. Рождественка, д. 12, г. Москва, 107031, Россия
E-mail: hrrc@mail.ru

Middle East Conflict: Confessional Factor

K.M. Truevtsev

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, 107031 Russia

E-mail: hrrc@mail.ru

Received November 9, 2017

Abstract

The current regional conflict in the Middle East has been analyzed. In particular, the role of the confessional factor in the structure and in the process of development of the conflict has been studied. The fact has been stressed that the slogan of transition power from the Alawite minority to the Sunni majority in Syria converted into a trap of domination of terrorist groups, such as Nusra and Daesh, in the area. The situation turned to be a tragic reality, in which Sunnis, beside Christians, happened to fall in the ranks of the most depressed confessional groups. Syria is the very center of the regional conflict, but Iraq, Yemen, and, partly, Turkey and Saudi Arabia are also affected.

The interference of regional and global powers, despite all contradictions, enabled a way to dismiss the role of the terrorist organizations in the area and to diminish them completely. However, many problems and dangers will still remain, even in the case of final defeat of Daesh and Nusra. Among them, direct confrontation between two regional states (Iran and Saudi Arabia) can occur.

Keywords: regional conflict, Syria, Iraq, Saudi Arabia, Turkey, Yemen, Daesh, Jabhat al-Nusra

References

1. Truevtsev K.M. “Arab Spring” and disintegration of Middle Eastern states. In: *Arabskii mir v potoke sobytii i vremeni* [Arab World in the Flow of Events and Time]. Moscow, Inst. Vostokoved. Ross. Akad. Nauk, 2016, pp. 296–314. (In Russian)
2. Truevtsev K.M. Iraq after the dictatorship: Nine difficult years. In: *Sistemnyi monitoring global'nykh i regional'nykh riskov: Arabskii mir posle Arabskoi vesny* [System Monitoring of Global and Regional Risks: The Arab World Following the Arab Spring]. Korotaev A.V., Isaev L.M., Shishkina A.R. (Eds.). Moscow, URSS, 2013, pp. 107–137. (In Russian)
3. Sapronova M.A. The Constitution of Iraq approved in the general referendum on October 15, 2005: Structure, basic provisions, specifics. *Institut Blizhnego Vostoka*. Available at: <http://www.iimes.ru/?p=3890>. (In Russian)
4. Shelest A. A long way towards the Government of Iraq. *Institut Blizhnego Vostoka*, 2006, Apr. 26. Available at: <http://www.iimes.ru/?p=4514>. (In Russian)
5. Mirskii G.I. Iraq will not be another Vietnam. *Ekonomicheskie Strategii*, 2008, no. 2, pp. 16–23. (In Russian)

Для цитирования: Труевцев К.М. Ближневосточный конфликт: конфессиональная составляющая // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2017. – Т. 159, кн. 6. – С. 1556–1565.

For citation: Truevtsev K.M. Middle East conflict: Confessional factor. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2017, vol. 159, no. 6, pp. 1556–1565. (In Russian)